

ПАНСЛАВИЗМ В. И. ЛАМАНСКОГО В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ СЛАВЯНСКОЙ ВЗАИМНОСТИ XIX ВЕКА¹

Творчество В. И. Ламанского относится к ярчайшим страницам истории не только Санкт-Петербургского университета, но и в целом истории российской гуманитарной науки. Сегодня для большинства исследователей вполне очевиден вклад этого ученого в становление российского славяноведения как комплексной науки, изучающей историю и культуру славянского мира. Значение Ламанского в этом контексте определяется не только и не столько теми конкретно-научными результатами, которые он сформулировал как историк или филолог, сколько тем фактом, что его творчество было целиком и полностью направлено на формирование устойчивого общественного интереса к славянам – их прошлому и настоящему. Тем самым Ламанский стремился вывести вопрос о славянах на уровень общественно значимых проблем. В силу этого во многом ему принадлежит заслуга в выработке понимания самоценности и непреходящей актуальности изучения славянства. В этом отношении несомненной заслугой Ламанского является, прежде всего, конституирование как таковой предметности славянских исследований в российском контексте, без чего развитие науки было бы невозможным. В этом аспекте Ламанского вполне можно было бы поставить в ряд таких деятелей как Павел Йозеф Шафарик, Ян Коллар и Франтишек Палацкий.

При внимательном анализе творчества Ламанского становится понятно, что во многом как его интерес к славянству, так и способ исследования этого предмета определялись общефилософскими установками. Сам Ламанский относил себя славянофильству. Именно славянофильством и определялось его мировоззрение и общенаучные установки, составлявшие основу его конкретно-исторических исследований. Более того, можно утверждать, что исторические занятия непосредственно были подчинены мировоззрению и были направлены на поиск эмпирической репрезентации его славянофильских взглядов². Поэтому славяноведение являлось для Ламанского своего рода национальным сознанием, выраженным в форме

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 16-03-00450 «В. И. Ламанский и академическое славянофильство в России в последней трети XIX в.».

² См.: *Малинов А.В.* Политическое славяноведение В. И. Ламанского // Клио. № 8(116). 2016. С. 62–71.

науки. В данном случае, очевидно, мы сталкиваемся с весьма старым пониманием науки как формы практики, т. е. как образа жизни и способа мышления, а не просто сбора и систематизации фактического материала.

Такого рода понимание научной деятельности привело к тому, что в славяноведении Ламанского нашли яркое выражение идеи, которые имеют более идеологическое и философское значение, а не ограничиваются сферой узкой специализации. К числу таковых идейных конструктов относится и теория *панславизма*, котораяшла в лице Ламанского одного из своих оригинальнейших представителей. В результате, имея в виду научное наследие этого слависта, мы вынуждены говорить именно об этом концепте, а не о тех отдельных выводах, которые он сделал, занимаясь специальными историко-филологическими исследованиями.

В чем же заключается специфика панславизма Ламанского? В целом, первые попытки понимания такого интеллектуального явления как панславизм появились уже в XIX столетии¹. Сегодня панславизм трактуется как один из главных фактов процесса становления национального самосознания и собственной идентичности славянских народов и как одно из важнейших интеллектуальных средств этих народов в борьбе с иными народами Европы – прежде всего, романскими и германскими. В этом контексте панславизм принято делить на политический и литературный (или культурный). В основе этого различия лежит признак отношения того или иного сторонника теории славянского единства к вопросу о государственном развитии славянских народов. В том случае, если не выдвигается притязаний на реализацию политических проектов по объединению славян в некое единое славянское государство или близких к такому государству политических союзов, принято говорить о *культурном панславизме*, направленном только лишь на формирование общей литературы, науки и развитию языков славянских народов. Подавляющее большинство исследователей относит панславизм Ламанского к литературному типу². В целом с этим можно согласиться. Тем не менее отметим, что применительно к Ламанскому такое определение оказывается не корректным, поскольку не отражает всей специфики понимания Ламанским вопроса о славян-

¹ См.: *Пытин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913.; *Пытин А.Н.* Возрождение и панславизм // Обзор славянских литератур. СПб., 1865. С. 493–495; *Кареев Н.И.* Славянское возрождение, панславизм и мессианизм // История западной Европы в Новое время. СПб., 1903. Т. V. С. 405, 418–421.

² См. напр.: *Прокудин Б.А.* Историсофские и геополитические идеи В. И. Ламанского // Вестник МГУ им. Ломоносова. Серия 12: «Политические науки». 2013. № 2. С. 117–127.

ском единстве. В отличие от литературного панславизма в собственном смысле слова, связанного, прежде всего, с деятелями чешского и словацкого национального возрождения, Ламанский хотя и настаивал на особом значении *лингвистического единства славян*, но для него это отнюдь не означало отказа от идеи политического объединения славян. Ламанский полагал, что литературное единство не является конечной целью объединения славян, а лишь предпосылкой для его будущего политического единства.

Этот факт становится ясным при сопоставлении взглядов Ламанского на эту проблему с теорией славянской взаимности, разработанной Я. Колларом. Я. Коллар может рассматриваться как наиболее яркий представитель литературного панславизма (фактически, Коллар выступил основоположником этого интеллектуального течения). Традиционно и Ламанского и Коллара относят к направлению литературного панславизма, но можно с уверенностью утверждать, что концепция Ламанского достаточно далека от взглядов Коллара. Коллар, как известно, являлся разработчиком самой первой *теории славянской взаимности*. Собственно, именно он и ввел в оборот понятие «*славянская взаимность*» в своем трактате «О литературной взаимности между отдельными славянскими племенами и наречиями» (1836). В этой работе идет речь о том, что потребностью славян является создание литературно-духовного союза. При этом Коллар всячески подчеркивал, что этот союз ни в коем случае не является политическим, и даже наоборот – призван укрепить верноподданнические настроения славян, не разрушая существующих на тот момент политических границ. Сущность этого литературно-духовного союза должна заключаться в равноправии литератур и языков славян, при котором каждый язык остается исключительно в своих собственных границах, не приобретая господствующего положения по отношению к своим «собратьям». Речь идет именно о так называемом *литературном общении* славян, когда каждый славянский народ знает и изучает другие славянские народы – их язык и историю – и вступает с ними в духовное общение. При этом каждый народ, подчеркнем, остается самим собой и не претендует на господство. В аллегорической форме Коллар выразил свое понимание так: «Славянская нация и литература должны уподобляться дереву, которое разделяется на четыре большие ветви; всякая ветвь цветет и несет собственные плоды, и своими отраслями и листьями касается и обнимает прочие ветви; все они растут на одном корне и составляют вместе один венец; ни одна не может за-

сохнуть без того, чтобы не пострадало и не исказилось все дерево»¹. Впоследствии эта образная формула превратилось в кредо австро-славизма. Поэтому следует сказать, что как Коллар, так и в целом ведущие представители этого интеллектуального движения не принимали не только идеи единого славянского государства, но в целом никаких форм унификации, включая разного рода проекты по созданию единого славянского языка. В основе этого понимания литературного единства лежало представление о культурном и литературном равноправии каждого славянского народа, поэтому любые попытки создания некоей однообразной общности славянства воспринимались такого рода деятелями (прежде всего, лидерами австро-славизма) как попытки ограничения свободы славянских народов. Основной идеей такого панславизма можно признать понятие многообразия в единстве.

В контексте такого рода понимания славянского единства становятся очевидными специфические черты панславизма Ламанского. Именно теория общности языка, более того, настойчивое продвижение идеи *русского языка как общеславянского*, отличает подход Ламанского к решению проблемы единства славян. Для этого Ламанский разработал особое и крайне интересное учение об *игемонии языка*. В одной из своих ранних работ он писал, что по мере развития человечества наблюдается усиление языкового разнообразия и все большее дробление вместе с постоянным образованием новых языков. Это обстоятельство, по мнению ученого, приводит к своего рода изоляционизму народов, который затрудняет их общение и тем самым – развитие. Но история выработала средство против этого пагубного процесса. Ламанский так пишет: «Для противодействия этому разрушительному естественному анализу, история человечества вызвала игемонию, искусственное предпочтение известных наречий, так сказать, создала особую аристократию между языками. В славянстве очень многие еще думают, что произнеся слово игемония, они уже осудили стремление к единству, и решили дело в пользу автономии. Напротив того, игемония известных языков или наречий есть великое благо истории, неперемненное условие и первое требование прогресса, ибо без этой спасительной игемонии человечество дошло бы до того, что на всем земном шаре каждая группа в несколько сот тысяч душ имела бы свой особенный язык и не понимала другой, ей соседней, группы»².

¹ Коллар Я. О литературной взаимности между отдельными славянскими племенами и наречиями // Отечественные записки. 1837. № 8. С. 14.

² Ламанский В.И. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. СПб., 1865. С. 17–18.

Ясно, что роль такого рода гегемона в славянском мире должен выполнить *русский язык*. В русском языке Ламанский, собственно, и видел *главную объединяющую силу в славянском мире*. В силу этого *важнейшей мыслью Ламанского была идея русского языка как общеславянского литературного языка*. Вот как он сам это объясняет: «Среди этого множества разных литературных и нелитературных, славянских и инородческих наречий, выступает в мире греко-славянском могущественный и богатый язык русский, господствующий, государственный язык мировой державы, прямой и единственный законный наследник древнеславянского письменного языка. В нашем мире ни один из современных языков, кроме русского, не может иметь притязания на значение всемирно-историческое, на сколько-нибудь большое распространение вне пределов своих тесных родин. Для всех этих славянских народностей и многочисленных инородцев орудием обоюдного понимания и взаимной связи, общим дипломатическим органом и даже языком высшей образованности может быть только язык русский»¹.

По мнению Ламанского, славянам исконно присуще стремление к единству. В разные эпохи совместной истории славян степень их тяготения друг к другу была разной. Тем не менее, как полагал Ламанский, на всех исторических этапах именно общий язык оказывался воплощением этого стремления к объединению. На начальном этапе истории славянства такую объединительную роль играл *церковнославянский язык*, который стал выражением потребности славян в духовной самостоятельности. Поэтому Ламанский писал о том, что св. Кирилл и Мефодий были подлинными строителями славянского единства. «Они, – пишет ученый, – раскрыли славянству вселенскую идею и из славянства же взяли материал и образовали форму для ее воплощения»². Славянские первоучители дали славянству орган просвещения, который позволил им приобщиться к христианству и к высокой культуре. Без общей грамотности, письменности и литературной традиции народы отдаляются друг от друга, а общее идеологическое и культурное пространство распадается.

Причем Ламанский противопоставлял духовное единство славян, созданное на основе общей письменности, духовной культуры, тому единству, которое создано Западной Европой. Примером западноевропейского варианта объединения он справедливо считал

¹ Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе // Ламанский В.И. Геополитика панславизма. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 92–93.

² Ламанский В.И. Кирилл-Мефодиевская идея // Ламанский В.И. Геополитика панславизма. С. 639.

империю Карла Великого, которая строилась на силовом подчинении народов, из чего такое единство было, по его мнению, «внешнее и искусственное, вскоре после его смерти (Карла Великого. – В. К.) распалось и никогда более вполне не возобновлялось, если не считать исполинской попытки Наполеона I»¹. Подчеркнем, что для него здесь речь идет о единстве, построенном на насилии. В целом Ламанский считал, что одной из особенностей, отличающей романогерманскую Европу от славянского мира является стремление к насилию. Славянам же (в том числе и русским) присуще влечение к единству, основывающемуся на добровольности и осознании общности исторических судеб, что исключает любую форму принудительной политики в виде грубой ассимиляции и подчинения.

В период Нового времени, как полагал Ламанский, преемником древнего церковнославянского языка является *русский язык*. Из всех славянских языков именно русский оказывается наименее местным и наиболее универсальным в силу большого влияния на него церковнославянского языка. Именно забвение общего литературного языка приводит к ослаблению славянских народов. Следовательно, восстановление литературного единства через введение общего литературного языка является *conditio sine qua non* обретения славянами своей геополитической значимости и выхода из исторического прозябания. Как писал Ламанский, «с принятием русского языка все эти мелкие, слабые племена приобщаются к одному великому целому, участвуют во всех интересах и выгодах литературы и образованности восьмидесятимиллионной мировой державы, становятся деятельными членами особого исторического мира, приобретают возможность с успехом бороться против иноземных влияний, особенно немецкого и итальянского, как наиболее опасных, и вместе с тем при распространении русского языка в образованных классах для этих меньших наречий славянских сохраняется еще обширное поприще для литературной обработки»².

Таким образом, единство славян строится на *единстве литературного языка и культуры*. Но для Ламанского это отнюдь не означает, что на этом объединение славян заканчивается. Литературное единство является предпосылкой и для политического объединения. Образование единого геополитического пространства – цель и главное стремление славянского мира. Но цель эта достижима только лишь благодаря выработке принципов, вокруг которых такого рода

¹ Там же.

² Ламанский В.И. Непорешенный вопрос. Статья 1: Об историческом образовании древнего славянского и русского языка // Ламанский В.И. Геополитика панславизма. С. 691.

пространство может быть сконструировано. Таким принципом, или же ценностью, является для Ламанского русский язык и культура, которые оказываются в его теории имеющими интернациональную природу. Именно поэтому политика, проводимая правительством, должна быть построена на идеологии поддержки и распространения русского языка. Причем, следуя идее ненасильственности культуры славян, Ламанский полагал, что такая политика может проводиться исключительно при условии добровольного принятия другими славянами русского языка, что предполагало их самостоятельное тяготение к России. Поэтому основной идеей Ламанского было развитие в России внутренних реформ и собственной самобытной культуры. Это означало для него, во-первых, развитие того, что он называл «славянским самосознанием»: Россия сама должна осознать себя славянским по сущности государством и не связывать себя европейскими интересами и союзами, которые всегда для нее чужды. Россия, наоборот, должна проникнуться пониманием своей близости славянам. Во-вторых, Россия должна совершенствовать свою внутреннюю жизнь: развивать собственную культуру, гражданскую жизнь, экономику. В частности, Ламанский так об этом писал: «Мы, русские, должны помнить, что от нас самих требуется еще много усилий и энергии, чтобы сделать нашу литературу вполне достойной нового, открывающегося ей ныне славного будущего. В глубоком сознании высоты своей задачи русские писатели и ученые не могут не чувствовать, что вместе с тем увеличиваются их важные обязанности и растут их внутренние требования. С новым усиленным рвением трудясь над пробуждением в России народного сознания и раскрытием высокого славянского призвания русского народа, они должны заботиться об умножении внутренних и внешних условий скорейшего распространения русского языка на славянском юге и западе. Эти условия заключаются в развитии строго научного, вполне самобытного характера русской литературы и в образовании наибольшего количества русских читален в различных землях славянских»¹.

Таким образом, в терминах современной политологии Ламанский предлагает опираться на то, что сегодня называют «мягкой силой»: суть заключается в том, что благодаря внутренним преобразованиям и самостоятельному развитию, другие народы увидят в России что-то для себя значимое и привлекательное и таким образом «потянутся» в ее геополитическое пространство. Однако стоит отметить в этой связи, что по сравнению с современным понимаем

¹ Ламанский В.И. Распространение русского языка у западных славян // Ламанский В.И. Геополитика панславизма. С. 650–651.

«мягкой силы» и в целом геополитики подход Ламанского предполагает, что во главе угла стоит не экономика с ее финансовыми и энергетическими рынками, а *культура*. Фактором, объединяющим людей в одно целое, будь то государство, или некое наднациональное образование, например, некой славянской политической общности, является для Ламанского именно духовность, под которой он понимает художественную словесность, религию и научное творчество. Поэтому в случае с Ламанским уместно говорить о том, что его геополитическая теория – это теория культурной геополитики, в рамках которой политика является производной от национальной культуры. В этом аспекте можно усмотреть влияние на Ламанского немецкой философии, в частности, столь важной для немецкой политической теории второй половины XIX в. концепции *Kulturstaat*.

Таким образом, на вышеизложенное рассуждение о роли русского языка как дипломатического, литературного и научного языка всего славянского мира накладывалось также и общее понимание Ламанским сути государства, что крайне важно для уяснения особенностей его панславизма. Но здесь, кроме концепции *Kulturstaat*, мы сталкиваемся также и с очевидным влиянием другой немецкой интеллектуальной традиции – философии Гегеля. Как известно, немецкий идеализм в лице Гегеля ввел различие исторических и неисторических народов. По мнению Гегеля, а также и немецких историков, находившихся под его влиянием, народ оказывается историческим, т. е. выполняющим отведенную ему Духом историческую роль, только обладая государственностью. При этом подходе народов, не имеющих собственного государства, для истории не существует. Параллельно с этим в рамках немецкой философии выработалась весьма оригинальная *трактовка языка*, которая также сыграла ключевую роль в процессе объединения Германии в относительно унифицированное национальное государство. Эта трактовка принадлежит великому В. Фон Гумбольдту, а также вождю и главному идеологу немецкого национализма И. Г. Фихте. В рамках этого подхода предполагалось, что в основе государственности и в целом национальной идентичности лежит язык, который не обозначает внешние предметы, а является выражением внутреннего мира народа, т. е. его духа, как выражался Гумбольдт. Именно под влиянием этих идей Ламанский также выработал теорию о том, что для превращения народа в национальность и придания ему статуса исторического деятеля необходимо достижение *единого литературного языка и политической независимости*.

Именно поэтому-то рассуждения Ламанского о необходимости единого литературного языка для славян предполагали, что конечной целью является не просто достижение литературно-духовного

единства, как это было у мыслителей типа Коллара. В конце концов, выходом из исторического прозябания является для славян, по мысли Ламанского, достижение также и *политического единства*. Отличие подхода Ламанского заключается в данном случае в том, что политику он ставил в прямую зависимость от культуры и языка как ее основы. Поэтому политическое будущее славян он рассматривал как производное от развития языка. На первом месте для него было *духовное единство*, взаимность литератур и национальной культуры, которое в свою очередь влекло за собой образование политического союза. Добровольное принятие общего языка, превращение его во внутреннюю необходимость было в этой версии теории славянской взаимности первостепенным. Литературное единство оказывалось лишь первоначальным условием для политического единства: «Колларово распространение русского языка в землях славянских очень упростит и облегчит решение различных политических вопросов, ибо с этим условием образование общего славянского союза не представляет таких громадных трудностей»¹. В этом отношении можно утверждать, что литературная составляющая в панславизме Ламанского была скорее чем-то второстепенным. Литературно-духовное единство должно впоследствии превратиться в единство политическое. При этом, что важно, ключевая роль в формировании обоих единств отводилась не столько дипломатии, или военному делу, сколько, как говорил Ламанский, внутренней работе: развитие Россией своей собственной культуры и общественной жизни, т. е. превращение российской модели развития в нечто привлекательное для других народов. Именно благодаря этому и должна обеспечиваться та самая добровольность принятия русского языка и культуры, на которой так настаивал Ламанский. Поэтому вопрос развития славянского единства – это для Ламанского вопрос внутреннего реформирования и самосовершенствования России.

Тем не менее, в творческом развитии Ламанского можно также усмотреть своего рода и предел панславизма. Если в начале своей деятельности Ламанский касался исключительно вопроса о единстве славян², то приблизительно к концу 60-х гг. мы встречаем совершенно иной подход. С этого времени Ламанский во многом, фактически, преодолевает панславизм. Речь идет теперь о *греко-славянском мире*, т. е. о чем-то большем, нежели единство славян. Греко-славянский мир в теории Ламанского – это геополитическое единство славян и связанных с ним исторической судьбой арабов-

¹ Ламанский В.И. Национальности итальянская и славянская. С. 92.

² См. напр.: Ламанский В.И. Россия – мир славянский // Вече. Журнал русской философии и культуры. 2009. № 19. С. 165–171.

христиан, греков, румын, венгров и других народов, населяющих территорию Среднего мира. Наряду с германо-романским и азиатским миром мир греко-славянский выступает в качестве самостоятельной цивилизации, охватывающей различные народы, среди которых славяне являются главным элементом, но не единственным. Речь теперь идет о некоем евразийском единстве, или евразийской цивилизации. В основе понимания этого единства лежат те же представления о единстве литературного языка, которые определяли близость славян. Поэтому можно говорить, что греко-славянская цивилизация понимается Ламанским в соответствии с панславистской моделью. В период своей творческой зрелости Ламанский фактически отходит от панславизма, что позволяет ему создать масштабную геополитическую теорию, предлагающую новую трактовку не только истории и культуры России и Европы, но и всей мировой истории, включая Азию и Америку. Таким образом, Ламанский, отталкиваясь от панславизма и немецкой теоретической философии, выходит за рамки панславизма и наряду с Данилевским задолго до Шпенглера, Тойнби и других западных авторов формулирует одну из первых цивилизационных концепций истории. Панславизм оказался для него лишь этапом на пути к новому пониманию сущности исторического процесса. Именно в этом заключается несомненная оригинальность концепции Ламанского в сравнении как с предшествующими теориями славянской взаимности, так и с современными теориями.